

С. [=Смирнов С. И.] Библиография. [Рец. на:] Голубинский Е. История Русской Церкви / Изд. Об-ва Истории и Древностей Российских: Т. 2. Пол. 1. М., 1900 // Богословский вестник 1900. Т. 2. № 6. С. 288–304 (3-я пагин.).

БИБЛІОГРАФІЯ.

I.

Е. Голубинскій. Исторія Русской Церкви. Томъ II, половина I. Изданіе Имп. Общества Исторія и Древностей Россійскихъ. Москва. 1900.

Появленіе въ печати первой половины второго тома Исторіи Русской Церкви профессора Евгенія Евсигнѣевича Голубинскаго—событіе для отечественной церковно-исторической науки. Всѣмъ извѣстно, какъ мало у насъ подобныхъ работъ—ихъ можно перечестъ даже не по пальцамъ—и съ какими большими промежутками времени они являются: соотвѣтствующіе томы Исторіи преосв. Макарія—IV, V и VI вышли болѣе тридцати лѣтъ тому назадъ (въ 1866—1870 гг.). И капитальный трудъ Е. Е. Голубинскаго издается очень медленно къ сожалѣнію: второй томъ выходитъ черезъ девятнадцать лѣтъ послѣ перваго: давно приготовленный къ печати онъ запоздалъ появленіемъ въ свѣтъ, но не по винѣ автора ¹⁾. Поэтому Московское Общество Исторіи и Древностей Россійскихъ, которое вынуло изъ подъ спуда и издало въ своихъ Читеніяхъ продолженіе Исторіи Голубинскаго ²⁾, имѣетъ полное право на великое спасибо отъ людей, которымъ дорога русская церковно-историческая наука. Въ ряду многочисленныхъ заслугъ Общества передъ этой наукой изданіе Исторіи Е. Е. Голубинскаго есть заслуга очень круп-

¹⁾ См. Предисловія стр. V.

²⁾ Настоящая половина тома Исторіи Е. Е. Голубинскаго издана въ 192 книгѣ Читеній Общ. И. и Др. Россійскихъ (1 книга за 1900 годъ) и отдѣльно.

ная. Посвящается книга свѣтлой памяти ученѣйшаго русскаго архипастыря покойнаго Макарія, митрополита Московскаго, который доставилъ автору въ свое время возможность напечатать первый томъ Исторіи и „по поводу его“ явилъ себя благожелательнымъ покровителемъ автора ¹⁾. Ученѣйшій изъ историковъ Русской Церкви, благожелательно содѣйствовавшій появленію въ свѣтъ и официальному одобренію начала настоящаго труда, старѣйшее изъ русскихъ историческихъ обществъ, помогающее автору при изданіи его продолженія, являются самыми авторитетными свидѣтельствами въ пользу труда, его научной цѣнности, его близости къ традиціямъ и соответствія нуждамъ родной науки. Преосв. Макарій и Общество Исторіи и Древностей Россійскихъ—это два такихъ свидѣтеля, передъ которыми долженъ умолкнуть всякъ глаголь.

Въ дальнѣйшихъ рѣчахъ своихъ мы и не беремся давать подробную оцѣнку многолѣтней работѣ ученаго автора. Наша скромная задача — описать вышедшій полутомъ, чтобы только познакомить съ нимъ читателей Богословскаго Вѣстника.

Авторъ дѣлитъ исторію Русской Церкви на три періода: кievскій—до нашествія монголовъ, московскій—вплоть до новой исторіи и петербургскій—до нашихъ дней. Первый томъ его Исторіи обнимаетъ кievскій періодъ, второй долженъ обнимать только половину московскаго, кончая управленіемъ митр. Макарія (1563 г.). Въ первой, только что вышедшей, половинѣ второго тома содержится статья о пораженіи Руси монголами и отношеніи хановъ къ русской церкви, а затѣмъ рядъ очерковъ о русскихъ митрополитахъ (со времени раздѣленія митрополіи объ однихъ московскихъ митрополитахъ) включительно до Макарія. Многія статьи представляютъ изъ себя обширныя изслѣдованія или монографіи, въ которыхъ съ свойственной автору полнотою собрано, критически очищено и живо рассказано все, что можно сказать о жизни, церковно-административной и пастырски-учительной дѣятельности того или другого первосвятителя Русской церкви. Кромѣ того вслѣдъ за исторіей замѣшатель-

---

¹⁾ Преосв. Макарій далъ заимообразно проф. Голубинскому средства на изданіе I тома Исторіи изъ суммъ Перервинскаго монастыря, а затѣмъ содѣйствовалъ въ Св. Синодѣ присужденію ему докторской степени.

ства на кафедрѣ митрополіи послѣ смерти св. Алексія помѣщенъ очеркъ о св. Стефанѣ, просвѣтителѣ Зырянъ. Въ связи съ разсказомъ о дѣятельности нашихъ митрополитовъ обстоятельно описаны—секта стригольниковъ, ересь жидовствующихъ, судьба Максима Грека. Всѣ остальные отдѣлы (управленіе, просвѣщеніе, богослуженіе, монашество, вѣра, нравственность и религіозность народа) отнесены ко второй половинѣ тома.

Еслибы Исторія Е. Е. Голубинскаго содержала только послѣдніе выводы по взятымъ вопросамъ, уже существующіе въ наукѣ—въ частныхъ монографическихъ работахъ, появившихся послѣ Исторіи преосв. Макарія, дополняющихъ и исправляющихъ ее въ разныхъ отдѣлахъ, то и въ такомъ случаѣ она имѣла бы значеніе какъ послѣднее слово, какъ сводный указатель всего того, что сдѣлано по этимъ вопросамъ. На самомъ дѣлѣ, какъ извѣстно всѣмъ знакомымъ съ первымъ томомъ разбираемаго труда, этотъ трудъ представляетъ нѣчто гораздо большее, или точнѣе — совсѣмъ иное. Исторія Голубинскаго есть вполне самостоятельная переработка всего содержанія науки, плодъ сорокалѣтняго занятія его, дѣло жизни ученаго автора ¹⁾. По своему методу она критическая исторія. Краснорѣчивый оппонентъ нашего автора на докторскомъ диспутѣ описывалъ процессъ его ученой работы такимъ образомъ. Вотъ онъ подходит къ зданію отечественной церковной исторіи, вооруженный однимъ орудіемъ разрушенія, съ тяжелымъ молотомъ критики. Остукивая каждый камень этого зданія, онъ многіе изъ нихъ, даже неподвижно лежащіе въ основаніи, разбилъ своимъ молотомъ; иные осыпались и раздробились на мелкіе камушки, другіе совершенно измѣнили свой видъ. Послѣ того онъ бралъ камни, выдержавшіе пробу, прибавлялъ къ нимъ свои и слагалъ ихъ такъ, чтобы вышло зданіе. Но зданіе не выросло ²⁾... Подъ неподвижно лежащими краугольными камнями русской церковной исторіи здѣсь разу-

¹⁾ Въ своей юбилейной рѣчи 2 октября 1893 г. Е. Е-чъ говорилъ, что во дни юности далъ обѣтъ написать и напечатать не позднѣе какъ черезъ 35 лѣтъ службы исторію русской церкви до учрежденія Св. Синода. *Богосл. Вѣстникъ* 1894 г., февраль, 311.

²⁾ *Православное Обозрѣніе*, 1881 г., I, 158.

мѣлись—лѣтописное преданіе о путешествіи ап. Андрея съ проповѣдью по Днѣпру и Волхову, лѣтописная повѣсть объ обращеніи и крещеніи св. Владимира, уставы первыхъ христіанскихъ князей. Подобныхъ отдѣловъ нѣтъ въ только что вышедшемъ полутомѣ, хотя авторъ не перемѣнилъ своего орудія и остался вѣренъ научному методу, разъ принятому въ работѣ. Это обуславливается можетъ быть сущностью самыхъ вопросовъ, менѣе крупныхъ и важныхъ въ зданіи отечественной церковной исторіи, а можетъ быть и сравнительно лучшимъ рѣшеніемъ ихъ. Но какъ раньше такъ и теперь ученый занятъ критикою фактовъ, очисткой и шлифовкой тѣхъ мелкихъ камешковъ, изъ которыхъ приходится слагать это зданіе. Историкъ русской церкви въ правѣ сѣтовать словами пушкинскаго лѣтописца, что немного лицъ сохранила ему историческая память, немного словъ доходить до него изъ старины глубокой, а прочее погребло безвозвратно; онъ имѣетъ полное право жаловаться на бѣдность источниковъ своей науки, немногочисленныхъ по количеству и нецѣнныхъ по качеству, что и заявилъ давно и снова повторилъ теперь нашъ ученый. Русскіе лѣтописцы скупы на церковно-историческія извѣстія, иногда же, упоминая вѣроятно о важныхъ церковно-историческихъ событіяхъ, не сообщаютъ никакихъ подробностей о нихъ. Вотъ на примѣръ. „По возвращеніи изъ Орды митрополитъ (Максимъ) въ слѣдующемъ 1284-мъ году позвалъ къ себѣ въ Кіевъ на соборъ всѣхъ русскихъ епископовъ. Призваніе всѣхъ русскихъ епископовъ заставляетъ предполагать, что причиною собора было что-нибудь особенное и важное; но наши лѣтописи по своему истинно и до слезъ прискорбному, позволительно выразиться—ужасному обычаю молчать обо всемъ, касающемся церкви, не говорятъ о причинѣ ни одного слова... Болѣе чѣмъ вѣроятно, что намъ сообщается о важномъ церковно-историческомъ фактѣ, но сообщается такимъ образомъ, что все равно и даже пожалуй лучше было бы, еслибы и не сообщалось“ ¹⁾. Еще примѣръ. „По сообщенію одной лѣтописи въ 1353-мъ году не задолго до смерти митр. Феогноста былъ „снемъ въ Москвѣ (великому князю) Семіону (Ивановичу) и князю Константину Васильевичу (Суздальскому) про причетъ цер-

---

¹⁾ Стр. 91.

ковный. Но о чемъ именно былъ снемъ или сѣздъ, остается намъ совершенно неизвѣстнымъ. Возможно, что соборъ и снемъ сдѣлали какія-нибудь важныя постановленія, которыя весьма должно бы было знать намъ; но... лѣтописцы наши ведутъ себя по отношенію къ церковнымъ дѣламъ такъ, что теперешнимъ историкамъ церкви остается только плакать¹⁾. Или вотъ наконецъ. Лѣтопись и особое сказаніе повѣствуютъ о судѣ митр. Кипріяна надъ Евѳиміемъ, епископомъ Тверскимъ, въ 1390 году. Описано, какъ торжественно былъ принятъ митрополитъ Тверскимъ княземъ Михаиломъ Александровичемъ, какъ единогласно обвиняли владыку многочисленныя свидѣтели, такъ что митрополитъ приговорилъ его къ изверженію изъ сана, но ничего не сказано о самыхъ преступленіяхъ епископа Евѳимія. „Имѣя предъ собою случай исключительный, но остающійся для насъ совершенно темнымъ, мы можемъ только въ тысячный разъ выразить сѣтованіе на нашихъ историческихъ повѣствователей, что они или ничего не говорятъ о дѣлахъ церковныхъ или говорятъ такъ, что отъ рѣчей ихъ намъ немного болѣе пользы чѣмъ отъ молчанія“²⁾. Но чѣмъ недостаточнѣе матеріалъ, тѣмъ съ большимъ вниманіемъ долженъ относиться къ нему исследователь; чѣмъ онъ ниже по своимъ достоинствамъ, тѣмъ съ большею настойчивостью должно приводить его въ годность. Трудъ русскаго церковнаго историка по изученію матеріала нашъ авторъ сравнивалъ съ работою тряпичника, который долженъ по десятку разъ и тщательнѣйшимъ образомъ перерывать всякій хламъ, чтобы извлечь нужные лоскуты и лоскутки³⁾. Изъ разбираемой книги можно видѣть, какъ много и внимательно пересмотрѣно трудолюбивымъ авторомъ этихъ лоскуточковъ, какъ много выброшено ихъ за негодностью, или вычищено отъ пристрастной окраски древнихъ повѣствователей, которые были также люди и значить не всегда смотрѣли вѣрнымъ взглядомъ и писали безпристрастной рукой, которые не досказывали, умалчивали или говорили напраслину. Многія извѣстія изъ да-

---

1) Стр. 163.

2) Стр. 304.

3) Исторія I т. I полов., стр. XVII.

лекаго прошлаго ходять въ нашей исторической литературѣ съ готовымъ комментариемъ какого-нибудь историка,— не всегда правильнымъ, но прочно приросшимъ къ этому извѣстію. Многія событія освѣщены односторонне или затемнены не совсѣмъ удачными домыслами изслѣдователей. Здѣсь вина уже не древнихъ лѣтописцевъ и повѣствователей, а недавнихъ или современныхъ работниковъ на нивѣ церковно-исторической науки; виновата въ этомъ и бѣдность специальной литературы по этому предмету: вслѣдствіе рѣдкаго появленія самостоятельныхъ работъ старія сужденія и взгляды получаютъ широкое распространеніе, изъ специальной литературы они переходять въ учебную и популярную, къ нимъ такъ привыкаетъ мысль даже специально занимающагося изслѣдователя, что перестаетъ различать границу, гдѣ кончается документальное извѣстіе и начинается научное толкованіе. Нашъ независимый историкъ идетъ путемъ свободнаго изслѣдованія первоисточниковъ и эти представшіе къ извѣстіямъ комментаріи, къ событіямъ освѣщеніе, можно сказать, нерѣдко спадаютъ ветхой чешуей. Только въ тѣхъ отдѣлахъ, гдѣ рѣшеніе вопроса нашему автору представляется правильнымъ, онъ охотно присоединяется къ существующему мнѣнію, оставаясь впрочемъ самостоятельнымъ въ его частной обработкѣ. Впрочемъ нельзя представлять, будто нашъ историкъ только и дѣлаетъ, что разрушаетъ— обезцѣниваетъ показанія источниковъ, выбрасываетъ за негодностью сужденія изслѣдователей и ничего не создаетъ взамѣнъ. Напротивъ критическая обработка источниковъ содѣйствуетъ выясненію исторической истины. Правда, показаній стало какъ будто меньше, но въ очищенномъ видѣ они уже не ограничиваются и не урѣзываются тѣмъ, что имѣло только видъ историческаго свидѣтельства, эти историческія показанія сдѣлались теперь такъ сказать прочнѣе, болѣе надежными опорами для построеній. При томъ же извѣстія, признанныя надежными, подвергнуты въ изслѣдованіи Е. Е. ча всестороннему анализу, который положительно содѣйствуетъ накопленію мелкихъ фактовъ, болѣе цѣнныхъ, чѣмъ оставленные за негодностью. И вотъ путемъ этихъ двухъ методологическихъ приѣмовъ—очищенія поля зрѣнія отъ загораживающихъ истину показаній и накопленія новыхъ фактовъ и создается возможность по отрывкамъ воспроизводить, на-

сколько это можно, церковное прошлое. И было бы большою несправедливостью сказать, что нашъ ученый не только не построилъ, но и не строилъ зданія своей науки, оставивъ эту творческую работу въ наслѣдство своимъ преемникамъ. Какъ увидимъ далѣе, онъ даетъ образцы превосходныхъ построений по вопросамъ крупной важности. Но наши источники бѣдны. Задавая много вопросовъ своими отрывками—лоскутками такому тонкому аналитику и внимательному изслѣдователю, каковъ Е. Е. Голубинскій, они не даютъ надежныхъ отвѣтовъ. Вопросы должны остаться безъ рѣшенія и нашъ историкъ иногда пользуется правомъ ученаго строить гипотезы, вести, по его выраженію, гадательныя рѣчи, приподнимаетъ покровъ недосказовъ и умолчанія. При превосходномъ знаніи своей науки и русской гражданской исторіи, при массѣ свѣдѣній какими владѣетъ ученый въ наукахъ вспомогательныхъ, при осторожности сужденій, эти гадательныя рѣчи его большей частью очень убѣдительны. Но случается, что ужъ никакія средства не помогаютъ припнать завѣсу надъ тѣмъ или инымъ событіемъ; вопросы остаются открытыми. Однако надо благодарить изслѣдователя и за то, что онъ поставилъ ихъ. Послѣдующіе работники будутъ теперь считаться съ этими вопросами и можетъ быть найдутъ отвѣты.

Для читателей, знакомыхъ съ полными Исторіями Русской Церкви, только что вышедшій полутомъ Исторіи Е. Е. Голубинскаго дастъ немало новаго. Они увидятъ, что критическая обработка матеріала привела автора къ новому освѣщенію нѣкоторыхъ извѣстныхъ ранѣе фактовъ, что многія подробности получили неожиданный смыслъ, что историческое положеніе и значеніе нѣкоторыхъ церковныхъ дѣятелей нѣсколько или даже совершенно иное, чѣмъ было ранѣе въ передачѣ прежнихъ историковъ. Мы отмѣтимъ только болѣе выдающіяся особенности въ выводахъ и построенияхъ Е. Е. Голубинскаго въ сравненіи главнымъ образомъ съ Исторіей преосв. Макарія, которая одна стоитъ вровень съ разбираемой по своей полнотѣ и обстоятельности.

Вотъ для примѣра нѣсколько историческихъ фактовъ, освѣщенныхъ и объясненныхъ по новому. Послѣ смерти митр. Максима и ранѣе поставленія св. Петра какою то игу-

мень Геронтій дерзнулъ восхитить санъ святительства: онъ взялъ съ собою митрополичью ризницу, много иконъ изъ владимирскаго Успенскаго Собора, который былъ тогда каедральнымъ митрополичьимъ, митрополичьихъ сановниковъ и отправился въ Константинополь искать поставленія въ русскіе митрополиты. Таковъ разсказъ житій митр. Петра. Преосв. Макарій предполагаетъ, что Геронтій сдѣлалъ это „не безъ согласія свѣтскихъ властей города Владимира и нѣкоторыхъ изъ духовенства“ ¹⁾. Но Е. Е-чь дѣлаетъ въ высшей степени правдоподобную догадку, что онъ былъ посланъ тогдашнимъ владимирскимъ великимъ княземъ, Михаиломъ Ярославичемъ тверскимъ. Этимъ и можно естественно объяснить взятіе Геронтіемъ митрополичьей ризницы, соборныхъ иконъ, особенно же отправленіе съ нимъ въ Царьградъ митрополичьихъ сановниковъ; все это указываетъ, что Геронтій не ушелъ тайно, а былъ посланъ для поставленія ²⁾. Такъ понимаемый этотъ фактъ многое объясняетъ въ исторіи св. митр. Петра. Его житіе, написанное митроп. Кипріаномъ, передаетъ, что св. Петра приняли неохотно во Владимирѣ, т. е. очевидно неохотно принялъ его тотъ же великій князь. Доносъ патріарху на св. Петра со стороны тверскаго епископа Андрея, вызвавшій соборъ въ Переславлѣ Залѣскомъ, такимъ образомъ является эпизодомъ изъ борьбы тверскаго князя съ негоднымъ ему митрополитомъ, а не личнымъ дѣломъ епископа, какъ это думаетъ преосв. Макарій ³⁾. Такъ важнѣйшія событія въ жизни митрополита, содѣйствовавшего церковному главенству Москвы, а чрезъ это и ея политическому могуществу, опредѣлились политической борьбой за первенство между Москвою и Тверью. Поэтому статья о св. Петрѣ представляетъ собою очень цѣльный очеркъ.

Важныя исправленія вносятся въ исторію митр. Исидора. Царь и патріархъ поставили его русскимъ митрополитомъ вовсе не потому, какъ принято думать, что онъ былъ чловѣкъ, преданный дѣлу соединенія церквей и готовый по-

¹⁾ IV, 15 стр. ср. 17 стр.

²⁾ Стр. 99—101.

³⁾ IV т., стр. 18. Намекъ на то, что доносъ еп. Андрея стоитъ въ связи съ борьбой Москвы и Твери есть у проф. Знаменскаго, Учебное руководство по Исторіи русской церкви, Спб. 1896, стр. 81.

жертвовать православіемъ латинству, какъ онъ показалъ себя на Флорентійскомъ соборѣ. Такое предположеніе невозможно, потому что сами императоръ и патріархъ не имѣли въ виду покупать союза съ папою цѣною пожертванія православіемъ латинству; они питали странную и легкомысленную увѣренность, что восторжествуютъ надъ латинствомъ, что не они, а имъ уступятъ. И есть основаніе думать, что греки на соборѣ разсчитывали на московскаго митрополита, какъ на надежнѣйшаго защитника православія. Исидоръ былъ возведенъ на московскую кафедру не за преданность латинству, которой не знали за нимъ ни въ Греціи ни на Руси до собора, а за свои выдающіяся личныя качества — блестящіе таланты и отличное образованіе и можетъ быть даже съ разчетомъ придать ему возведеніемъ въ русскіе митрополиты большій авторитетъ въ качествѣ защитника православія. Далѣе. Великій князь московскій Василій Васильевичъ вовсе не противился поѣздкѣ Исидора на соборъ, какъ это передаютъ наши источники: онъ могъ мыслить только подобно грекамъ, что латиняне уступятъ, и у него не было основаній для противленія. Блестящая свита, отправленная съ Исидоромъ, епископъ, бывший въ этой свитѣ, который конечно не могъ поѣхать противъ воли или безъ дозволенія князя, громадныя средства, отпущенныя митрополиту на путешествіе, наконецъ торжественныя проводы ему при отъѣздѣ — все это говоритъ рѣшительно противъ несочувствія великаго князя Василія Васильевича поѣздкѣ митр. Исидора на Флорентійскій соборъ ¹⁾.

Совершенно оригинальное воззрѣніе высказываетъ Е. Е-чь на Стоглавный соборъ. Къ сужденіямъ о немъ доселѣ примѣшивались полемическіе интересы, начиная съ выраженія Большого Московскаго собора о простотѣ и невѣжествѣ отцовъ Стоглаваго собора. Сначала отрицалась подлинность Стоглава, затѣмъ официальное значеніе его постановленій. То и другое оставлено, но до сихъ поръ не оцѣнили собора съ точки зрѣнія тѣхъ задачъ, какія онъ имѣлъ, не оцѣнили и его инициатора митр. Макарія. Таковую оцѣнку находимъ теперь въ трудѣ Е. Е-ча. Стоглавый соборъ, которому

¹⁾ Стр. 424 — 426. 430 — 433. *Макарія*, V, 343 — 344. *Фигарета*, по изд. 1888 г. III, 97—99.

„сколько-нибудь подобнаго не бывало у насъ ни прежде ни послѣ, составляетъ то дѣяніе митр. Макарія, которое даетъ ему неоспоримое право на почетнѣйшее мѣсто между всѣми высшими пастырями церкви, какъ знаменитѣйшему изъ всего ихъ ряда“¹⁾. Митр. Макарій, собирая соборъ, „одушевленъ былъ искреннимъ желаніемъ совершить при его посредствѣ возможно полное и возможно дѣйствительное обновленіе русской церкви“. Историкъ припоминаетъ, что и на западѣ въ римско-католической церкви происходилъ тогда соборъ, имѣвшій ту же самую цѣль, что и нашъ Стоглавый—именно Тридентскій соборъ. Но „съ полнымъ правомъ мы можемъ сказать, продолжаетъ онъ, что въ отношеніи побужденій нашъ соборъ несравненно выше римско-католическаго: тогда какъ этотъ послѣдній былъ дѣломъ вынужденнымъ со стороны папъ, нашъ былъ напротивъ со стороны представителя нашей церкви дѣломъ добровольнѣйшимъ“. Правда, нѣкоторыя мѣры, рекомендованныя соборомъ нельзя признать достаточными, напри- мѣръ мѣры для исправленія книгъ, для обученія кандидатовъ на священныя должности, но за то другія приносятъ его руко- водителю „истинную и истиннѣйшую честь“. „Таковы мѣры, принятыя имъ къ устраненію недостатковъ и злоупотребленій въ церковномъ управленіи и судѣ. Та откровенность, съ которой онъ (митр. Макарій) признаетъ и высказываетъ эти недостатки и злоупотребленія, и тѣ ревность и рѣшитель- ность, съ которыми онъ стремится къ ихъ искорененію, пред- ставляютъ нѣчто такое, что настоятельнѣйше могло бы быть рекомендовано всему послѣдующему времени вплоть до ны- нѣшняго нашего. Еслибы узаконенное на Стоглавомъ соборѣ относительно церковнаго суда сохранилось послѣ него, то его узаконенія были бы величайшимъ благодѣяніемъ для низшаго духовенства и вмѣстѣ для мірянъ, насколько эти вторые подлежали церковному суду“. Его узаконенія надъ низшимъ духовенствомъ могли бы служить до нѣкоторой степени примѣромъ и для нынѣшняго времени. „Съ вели- чайшей похвалою должно отозваться объ узаконеніяхъ Ма- карія и относительно монастырей съ монахами“. Какъ по- нимать простоту и невѣжество, которыя по словамъ собора 1667 года обнаружили Макарій въ постановленіяхъ о двое-

¹⁾ Стр. 771—772.

персти и сугубой аллилуйи, рѣчь будетъ во второй половинѣ тома. „Но когда нѣкоторые наши ученые распространяютъ эти простоту и невѣжество на все, что написано Макаріемъ въ Стоглавѣ и на всю вообще его дѣятельность, то они по невѣдѣнію или по преднамѣренности являются возмутительно несправедливыми къ знаменитѣйшему изъ нашихъ церковныхъ дѣятелей“ 1). Таково сужденіе Е. Е-ча о Стоглавомъ соборѣ. По его мнѣнію, это самая крупная заслуга знаменитѣйшаго на его взглядъ русскаго митрополита.

Нѣкоторыя историческія лица въ трудѣ Е. Е-ча получили совершенно новое изображеніе и, сличая его сужденія о нихъ съ взглядами предшествующихъ историковъ, можно видѣть, что въ большинствѣ случаевъ нашъ ученый съ свойственною ему настойчивостью указываетъ заслуги тѣхъ, за которыми ихъ не признавали до сихъ поръ, или признавали неполнѣ, нерѣдко заступаема за дѣятелей, къ которымъ до сихъ поръ несправедлива была исторія, поминаетъ теплымъ словомъ или изображаетъ словами восторга тѣхъ, которые заслужили то или другое. Вотъ на примѣръ. Еще раньше Е. Е-чъ заявлялъ печатно, что существующія въ нашей церковной исторіи представленія о бывшемъ кандидатѣ въ митрополиты послѣ св. Алексія, Михаилѣ или Митяѣ, какъ о весьма недоброкачественномъ выскочкѣ, несомнѣтельны 2). Свой обратный взглядъ на него онъ излагаетъ теперь обстоятельно, выводя его изъ разбора историческихъ извѣстій о Митяѣ. Извѣстія содержатся въ двухъ повѣстяхъ, помѣщенныхъ въ лѣтописяхъ и соединенныхъ вмѣстѣ: одна изъ нихъ написана не сторонникомъ его, но и не врагомъ, другая же явнымъ его врагомъ и представляетъ какъ бы обвинительную записку противъ Митяя. Авторомъ второго сказанія Е. Е-чъ признаетъ митр. Кипріана, которому Митяѣ съ своею кандидатурой въ митрополиты надѣлалъ слишкомъ много непріятностей. Въ сужденіяхъ о Митяѣ историки руководились главнымъ образомъ враждеб-

1) Стр. 789—790, 791—792.

2) Преп. Сергій Радонежскій и созданная имъ Троицкая Лавра, Сергійевъ посадъ 1892, стр. 94 прим. 41. Сужденія историковъ о Митяѣ: *Филарета* П, 127, *Макарія* IV, 63—64. *Знаменскаго*, 85—86.

ной ему повѣстью, но надежный источникъ представляетъ только другая повѣсть, которая и даетъ основанія видѣть въ немъ „исключительную и совершенно выдающуюся личность“. При рѣдкихъ дарованіяхъ—умѣ и начитанности онъ обладалъ свойствомъ привлекать къ себѣ людей. У него была смѣлая реформаторская голова: ему пришла мысль ввести новый порядокъ избранія русскихъ митрополитовъ не въ Константинополь, а въ Москвѣ и соборомъ русскихъ епископовъ. Кромѣ того есть основанія предполагать, что задачей своего будущаго правленія онъ поставилъ реформу нравовъ духовенства отъ верху и до низу, на что былъ вполне способенъ по своей энергій и мужеству. О его преждевременной смерти, которая не была всетаки насильственной, надо пожалѣть ¹⁾. Е. Е-чь ставить Митяя въ рядъ съ двумя только митрополитами описываемаго имъ періода — Θεοδοсіемъ и Макаріемъ.

Вотъ сужденіе Е. Е-ча о митр. Θεοδοσίи. „Имя митр. Θεодосія вовсе не принадлежитъ къ числу особенно извѣстныхъ именъ нашей русской церковной исторіи... На самомъ дѣлѣ митр. Θεодосій принадлежитъ къ числу наиболѣе выдающихся изъ обыкновеннаго ряда и наиболѣе замѣчательныхъ нашихъ митрополитовъ, такъ что ему безспорно должно быть усвоено въ ихъ средѣ одно изъ наиболѣе почетныхъ мѣствъ. Во все время нашей старой Руси приходское духовенство наше было очень недоброкачественно: но много ли было у насъ митрополитовъ, которые бы помышляли объ улучшеніи этого духовенства со всею серьезностію,—которые бы хотѣли ставить подобное улучшеніе одною изъ своихъ нарочитыхъ задачъ? А митр. Θεодосій принадлежалъ именно къ небольшому числу этихъ нашихъ митрополитовъ“. Исправленіе духовенства, предпринятое митр. Θεοδοсіемъ, не было широко и всесторонне: „оно имѣло состоять единственно въ исправленіи собственной порочной жизни духовенства“. Но очевидно Θεодосій не обладалъ энергіей, необходимой реформатору, и, получивъ въ отвѣтъ на свои заботы проклятіе народа, онъ захворалъ, а потомъ выздоровѣвъ удалился въ монастырь ²⁾. Въ отношеніи силы своего

¹⁾ Стр. 226—243.

²⁾ Стр. 520, 522. У *Филарета* (227) и *Макарія* (VI, 54—55) пере-

характера митр. Теодосіи ниже не только Макарія, но и Митяя ¹⁾.

Мы уже знаемъ отчасти, какъ смотритъ Е. Е-чъ на дѣятельность митр. Макарія. „Онъ представляетъ собою, по мнѣнію ученаго, высшаго пастыря русской церкви знаменитѣйшаго изъ всѣхъ, которые были прежде него и которые были послѣ него“ ²⁾. Заканчивая свой обширный очеркъ объ этомъ митрополитѣ, Е. Е-чъ резюмируетъ черты его дѣятельности и личности. Макарій обновитель русской церкви, но не реформаторъ: онъ былъ горячимъ противникомъ недостатковъ и злоупотребленій, которые признавались за таковыя общимъ голосомъ и общимъ мнѣніемъ всѣхъ, но онъ не принадлежалъ къ числу нѣкоторыхъ людей того времени, которые, возвышаясь надъ всѣми, хотѣли видѣть недостатки, злоупотребленія и неправильности тамъ, гдѣ ихъ не видѣли всѣ: онъ былъ сторонникомъ монастырскихъ вотчинъ, онъ не возстановилъ опредѣленія собора 1503 года о невзиманіи платы за поставленіе на церковныя степени, не отмѣнилъ опредѣленія этого же собора о вдовыхъ священникахъ, осудилъ уже повидимому раскаявшагося еретика Башкина. За это Макарія причисляютъ обыкновенно къ іосифлянамъ или по крайней мѣрѣ къ сторонникамъ іосифлянства. Но это едва ли правильно. Іосифляне защищали то, за что стояло рѣшительно большинство духовенства, такъ что можно было держаться однихъ съ ними взглядовъ и не принадлежать къ ихъ партіи. Іосифлянъ отличалъ невыгодно ихъ нравственный характеръ: раболѣпное угодничество предъ свѣтской властью и непримиримая ненависть къ противникамъ своихъ мнѣній. Въ этомъ смыслѣ Макарій не былъ вовсе іосифляниномъ: онъ обладалъ характеромъ миротворца, былъ современно чуждъ угодничества, а къ нѣкоторымъ противникамъ своихъ мнѣній, напримѣръ къ Максиму Греку, питалъ великое уваженіе. Намъ извѣстны слѣдующія черты индивидуальнаго нравственнаго характера Макарія: онъ былъ

дается разсказъ объ этой попыткѣ митрополита улучшить нравы духовенства, но безъ соотвѣтствующаго сужденія объ его личности.

¹⁾ Стр. 243 и 873.

²⁾ Стр. 744. *Проев.* Макарій отзывается о митр. Макаріи: „по своему образованію и архипастырской дѣятельности онъ явился знаменитѣйшимъ изъ всѣхъ нашихъ митрополитовъ XVI вѣка“ (VI томъ, 207 стр.).

человѣкъ кроткій, милостивый къ нуждающимся, усердно предстательствующій за наставуемыхъ, миролюбивый и миротворящій и наконецъ меценать книжно-трудящихся и милостиво благопривѣтливый ¹⁾).

Приведемъ нѣкоторыя сужденія историка о выдающихся дѣятеляхъ и въ другихъ сферахъ церковной жизни. Вотъ между прочимъ черта, подмѣченная имъ въ жизни безпримѣрнаго русскаго миссіонера св. Стефана Пермскаго. Св. Стефана какъ миссіонера отличаетъ отъ нашихъ миссіонеровъ всѣхъ временъ то обстоятельство, что онъ распространялъ Христову вѣру безъ всякаго покровительства и помощи гражданской власти. „Онъ отправился къ Зырянамъ обращать ихъ въ христіанство надѣясь единственно на помощь Божію; онъ достигъ того, что заставилъ ихъ отказаться отъ язычества и принять христіанство единственно силою убѣжденія, безъ всякаго и безъ малѣйшаго участія принужденія. Вообще какъ проповѣдникъ христіанства между язычниками св. Стефанъ является предъ нами новымъ апостоломъ“ ²⁾).

Если св. Стефанъ былъ у насъ новымъ апостоломъ, то Максимъ Грекъ былъ новымъ пророкомъ. „Максимъ принадлежалъ къ числу тѣхъ избранныхъ людей, которыхъ Богъ посылаетъ въ міръ пророками проповѣдывать людямъ его истины“. „Человѣкъ блестяще талантливый и высоко образованный въ самомъ строгомъ смыслѣ этого слова, онъ имѣлъ спеціальную врожденную склонность къ дѣятельности пророка или публициста—обличителя и его знаменитость какъ нашего дѣятеля состоитъ въ томъ, что онъ среди многообразной учительности выступилъ необязаннымъ и горячимъ обличителемъ и бичевателемъ религіозно-нравственныхъ пороковъ современнаго ему русскаго общества,— что онъ явился у насъ проповѣдникомъ истиннаго христіанства противъ фарисейства вѣшной набожности, которое у насъ нашель. Для науки русской церковной исторіи Максимъ весьма важенъ тѣмъ, что въ своихъ обличительныхъ писаніяхъ онъ далъ ей такое яркое изображение нравствен-

¹⁾ Стр. 873—875.

²⁾ Стр. 292. О св. Стефанѣ Пермскомъ у другихъ историковъ: у *Филарета* II, 47—51, *Макарія* IV 136—147. *Знаменскаго*, 73—74.

ной физиономіи современнаго ему русскаго общества, какового мы напрасно искали бы у писателей природно-русскихъ“. Этому способствовало то обстоятельство, что Максимъ Грекъ былъ сторонній наблюдатель и наблюдатель въ высшей степени способный. Разказавъ исторію его страданій, Е. Е-чь замѣчаетъ. „Такова была судьба въ Россіи Максима, который шолъ къ намъ для исполненія одного временнаго порученія, съ тѣмъ, чтобы потомъ щедро одареннымъ отъ великаго князя возвратиться домой! Чего-нибудь болѣе трагическаго невозможно выдумать“ ¹⁾.

Но описывая „труды и славу и добро“ нашихъ древнихъ церковныхъ дѣятелей историкъ не скрываетъ и не замалчиваетъ, а правдиво передаетъ „грѣхи и темныя дѣянья“ нѣкоторыхъ изъ нихъ: частныя проступки, бросающіе невыгодный свѣтъ на нравственную личность, господствующую страсть или даже нравственную негодность того или иного лица высокаго сана. Напримѣръ по мнѣнію ученаго, о митр. Феогностѣ есть основанія думать, что онъ былъ человѣкъ нарочито заботившійся объ умноженіи митрополитскихъ доходовъ и въ большой или меньшей мѣрѣ преданный печальной страсти сребролюбія ²⁾.—Въ очень непривлекательномъ видѣ рисуется личность митр. Даниїла, этого типичнѣйшаго представителя іосифлянъ. Даниїлъ былъ честолюбивый человѣкъ, „принадлежавшій къ числу тѣхъ, весьма немалочисленныхъ у насъ въ старое время, монаховъ, которые искали себѣ игуменскихъ мѣстъ, чтобы потомъ стараться о дальнѣйшемъ движеніи къ архіерейству“. Не будучи вѣроятно родовитъ и богатъ, онъ отличался ловкостью, такъ что успѣлъ какимъ то образомъ расположить въ свою пользу большинство монаховъ Іосифова монастыря и они выбрали его игуменомъ не смотря на молодость и на то, что преп. Іосифъ не имѣлъ его въ числѣ своихъ преемниковъ по игуменству. Поставленный въ митрополиты великимъ княземъ Василіемъ Ивановичемъ, Даниїлъ былъ настолько раболѣпенъ и угодливъ, насколько это могло быть

¹⁾ Стр. 672, 666, 726. Преосв. Макарій считаетъ Максима Грека осужденнымъ правильно (VI, 185). Е. Е-чь судъ надъ нимъ называетъ комедіей суда (715).

²⁾ Стр. 156.

желательно послѣднему. Другая черта его характера — это беспощадная и непримиримая ненависть къ врагамъ своихъ принциповъ и своимъ личнымъ. „Вообще какъ дѣятеля и какъ нравственное лицо мы знаемъ Даніила только съ худыхъ и совсѣмъ отталкивающихъ сторонъ“. Но онъ имѣетъ и немалую заслугу, искупающую въ довольно значительной степени нравственные его недостатки, — выдающуюся учительность ¹⁾.

Вотъ очень немного, взятое только для примѣра, изъ громадной книги Е. Е. Голубинскаго. Перечислять всѣ ея особенности въ изложеніи фактовъ или въ изображеніи лицъ значило бы взять на себя очень большую и кропотливую работу. Да это и не представляется нужнымъ. Всякій будущій изслѣдователь, которому придется затрогивать вопросы, составляющіе содержаніе вышедшаго полутома, обязанъ имѣть его какъ одно изъ лучшихъ пособій. Собравъ источники по своему вопросу, онъ долженъ справиться въ критической Исторіи Голубинскаго, какую цѣнность имѣютъ собранныя имъ данныя, онъ будетъ считаться какъ съ частными сужденіями, такъ и общими построеніями ученаго. Специалистъ можетъ быть отыщеть нѣкоторые пропуски въ матеріалахъ или найдеть гдѣ-нибудь недостаточно внимательное отношеніе къ предшествующимъ изслѣдованіямъ. И то и другое не только возможно, но и неизбежно въ такихъ сложныхъ работахъ, какова разбираемая. Но всякій читатель и специалистъ и простой любитель можетъ поспѣтовать на нашего историка вотъ по какому поводу. Онъ воздерживается отъ полемики противъ новыхъ взглядовъ, возникшихъ на почвѣ старыхъ фактическихъ свѣдѣній ²⁾ и вообще рѣдко останавливается на разборѣ противоположныхъ теорій. Обычно онъ дѣлаетъ глухія ссылки на сужденія историковъ, съ которыми не согласенъ, или же и не дѣлаетъ такихъ ссылокъ, ведя свой рассказъ и разсужденія

¹⁾ Стр. 703, 737—738. У преосв. *Макарія* (VI, 166—171) митр. Даніилъ рисуется въ привлекательномъ видѣ. Е. Е-чъ въ данномъ случаѣ до нѣкоторой степени соглашается съ сужденіемъ *Ж.макина*, Митр. Даніилъ, стр. 130—133.

²⁾ См. стр. V, прим. Здѣсь разумѣются взгляды, появившіеся въ то время, когда приготовленная къ печати книга лежала въ ящикѣ автора.

и самому читателю предоставляя разбирать на ихъ основаніи, почему нельзя принять иныхъ воззрѣній. И это очень жаль. Конечно не всѣ сужденія историковъ заслуживаютъ полного разбора, но упоминанія заслуживаютъ. Тогда книга Е. Е-ча содержала бы полный перечень литературы, что представляется далеко не лишнимъ при настоящемъ состояніи нашей историографіи, въ тоже время она служила бы коррективомъ всѣхъ существующихъ взглядовъ и была бы не только по существу, но и по видимости послѣднимъ словомъ науки. А есть взгляды и сужденія, которые заслуживаютъ подробнаго разбора. Дѣлая нѣкоторое отступленіе отъ обычнаго отношенія къ сужденіямъ предшественниковъ, Е. Е-чь подвергаетъ разбору старую теорію Руднева о сущности ереси жидовствующихъ и такому мастерскому разбору, что этотъ взглядъ можно считать похороненнымъ. Но прочитавъ эти страницы ¹⁾, невольно пожалѣешь, почему напримѣръ нашъ историкъ не подвергъ своей критикѣ существующіе ученые взгляды на существо и происхожденіе секты стригольниковъ, съ которыми очевидно несогласенъ. Читатель не видитъ, почему нельзя принять этихъ взглядовъ. При иномъ отношеніи къ специальной литературѣ критическая Исторія Голубинскаго скорѣе бы вытѣснила и предала забвенію тѣ сужденія и теоріи, которыя этого заслуживаютъ.

Но не имѣя никакого права задавать ученому изслѣдователю задачъ, не принятыхъ имъ самимъ, мы можемъ выразить только радость по поводу выхода въ свѣтъ третьей книги его Исторіи и желаніе скорѣе видѣть слѣдующую, которая по свойству самыхъ вопросовъ обѣщаетъ быть еще болѣе интересной.

С.

---

¹⁾ 585—592.